

● ● ●
Я не знаю,
какими снами
завораживал Дивногорск...
Горностаевыми снегами?
Хвойным ветром Саянских гор?
Только мне
навек незабвенны
каждый камень его и гвоздь.
Десять лет моих неразменных,
как песчинки,
собрал он в горсть.
Он в фаворе теперь.
Куда там!
Стихотворцев одних—не счесть.
Есть в нём каменные палаты,
и свои бюрократы есть...
Польхая огнями кичливо,
торжествующе знаменит,
как на пленника,
молчаливо
на меня он сейчас глядит.
И всё чаще,
ночами обугленными,
в предвесенних тревожных снах
вижу просеки непрорубленные
и костры на белых снегах.
А сегодня
в горячке страдной
я глаза поднял к облакам
и задумался как-то странно
вслед дюралевым журавлям.

● ● ●
Все мы получаем в час рожденья
тайну своего предназначенья.
Чтоб звездой мог ты просиять,
тайну эту надо разгадать.
А отгадки не сумел найти—
будь «как все» и... небеса копоти.

Таёжная улица

Она, в начале сотворенья,
синяя просекой вдали,
являла пней нагроможденье
и развороченной земли.
Но вот уже среди погрома,
ещё с щепой перед крыльцом,
три свежесрубленные дома
своих приветили жильцов.
И, вроде бы как между делом
(живой, хоть лириками бит),
ещё наивный, неумелый,
пошёл налаживаться быт.
И вот домашними борщами
в тайге запахло поутру,
и ребятня между домами
свою затеяла игру.
А в полдень
юная мамаша,
сама, как солнышко, светла,
посапывающих двойняшек
во двор торжественно внесла.
Они начмокивали соски
под вековечное «баю».
Им сбережённые берёзки
тьнь предоставили свою.
А мой напарник суматошный
изрёк,
улыбку обронив:
— И с этой улицы таёжной
начнётся Родина для них.
Мы лес валили,
крыши крыли
и воевали с мошкаррой,
а выходило—
вроде были
творцы истории самой...
Мой друг смутился с непривычки,
что так возвышенно сказал,
и гвоздь последний в обналичку
по шляпку яростно вогнал.

Принять?
Отринуть?
Обойти?..
Смолчать?
Ударить в наступленье?!
Как о камня,
На пути
Я спотыкаюсь о сомненья.
Зачем живу?
И как живу?..
И где моя дорога в небо:
Стрелой пронзает синеву
Или в пыли петляет слепо?

Безмолвно стынет высота.
Молчит бездонное болото.
Ты помнишь: падает звезда
Так медленно. Так неохотно...
И ноют, ноют провода...
А ты дронишь с остервененьем
Отбойным молотком камня,
Как будто в них сошла беда.

Твои таёжные сыны
В бараке, втиснувшись в сопки,
Сопят, насвистывают соски
Под колыбельную сосны.
А ты идёшь...
И города
Встают в полнеба за плечами!
И снова падает звезда,
И провода гудят ночами...
И новых солнц призывает зов.
И тяжки новые сомненья.
И вечен путь за горизонт
Сквозь звездопады и камня.

Поэтам России

Нам явлено: в долготерпенье
вериги подлых лет влачить,
испытывая притяженье
миров,
мерцающих в ночи...
И может статься, что за это
нас ожидает звёздный миг:
благоволением к поэтам
сойдёт небесный дар Владык...
И, укрощая непогоду,
раскальвая облака,
по сумрачному небосводу
сверкнёт, как молния, строка!..
Не ради этого ль мгновенья,
как тьму ни вскармливают ночь,
болезни, бедность и забвенья
достойно должно перемочь?..

— Так кто же ты?
И что ты можешь?—
сам пленник тайного огня,
художник милостию Божьей
допытывался у меня.
— Скажи: чего нам не хватает?
Ответь: чего не достаёт?
Перо бумагу ли терзает,
резец ли борозду ведёт?..
Мы кровь и пот
смешали в тигле.
Самих себя превозмогли.
А тайны
всё же не постигли,
а чуда выдать
не смогли...
И я, почёсывая темя,
сучил лукавое витьё
про дарование и время
и что, мол, каждому своё...
Ночное небо трепетало
и источало смутный свет.
Он поднимал глаза устало,
как будто там искал ответ.
Но лишь смертельное отчаянье
мы обретаем обречены
от ледящего молчания
недостижимой вышины.
И звёзд живых, и звёзд умерших
лучи пронизывали ночь...
Но чем я мог его утешить?
И чем я мог себе помочь?..

Считите блажью старого поэта
его сужденье дикое,
что он—
с другой
планеты...
из иных
времен...

Иначе почему так сердце радо,
когда от почитаемых щедрот—
комфорта, гульбищ и мясного смрада—
выносятся под звёздный небосвод?..

И почему пустое вроде небо
так властно, так магически влечёт?
А хищные соблазны ширпотреба,
а власть и слава—
для него не в счёт?..

И бед земных гнетущие вериги,
и боль потерь посильнее нести,
пока есть небо, музыка и книги—
и люди с сердцем огненным в груди.

Работа

От долгого обихода
Обыденное на вид
Старинное слово
Работа
Великую тайну таит.

Был смысл для меня его нуден
Вначале.
Глухое к слезам,
Заботами тягостных буден
Будило оно по утрам.

С пилой и лопатой сводило,
Гоняло по жёсткой стерне,
Морозом и зноем дубило,
Месило,
Как тесто в квашне.

И глухо копилась злоба
В тринадцать мальчишеских лет.
Казалось,
Безрадостней слова
На свете, пожалуй, и нет.

Но как-то случилось однажды —
Сквозь соль подступающих слёз
Губами, сухими от жажды,
Упрямо его произнёс.

И будто бы что повернули,
И ясно увиделось мне:
Алмазные грани сверкнули
В бездонной его глубине.

Я брёл бороздой неумелой,
Мужскую солидность храня,
И странно:
Тяжёлое дело
Совсем не томило меня.

Земля,
Как опара, всходила.
Шёл сорок измученный год.
А было всего-то, а было —
Корова, плужок, огород.

Ярмо деловито скрипело,
Дымился отваленный пласт,
И каждую жилкою пело
Всё тело
От пяток до глаз.

А к вечеру
Пол-огорода
Я всё-таки перепахал
И доброе слово *работа*
Как хлеб той поры
Смаковал.

Поры военной почтальон

Седым-седой, сутуловатый,
С казённой сумкой на ремне
Да с батожочком суковатым —
Таким
Запомнился он мне.

Скупыми строчками известий
Селу несущий тьму и свет,
Для всех он был
Как Божий вестник
В дни поражений и побед.

Недаром матери бледнели,
Сжимая руки на груди,
Когда он, белый
(от метели),
К калитке
Молча
Подходил...

Я обретал себя в бригаде.
И от артельного огня
Шли чередой в мои тетради
Тревоги прожитого дня.

Конечно, можно и на стройке
Хлеб зарабатывать пером,
А не таскать по трапу стойки,
Не рыть траншеи под дождём,

Но гнало что-то нас, однако,
Из затиши на ветробой,
Судьбу выкатывая на кон,
Вело на трассы и в забой,
Как та мятущаяся сила,
Что, не стихая до седин,
Толстого к плугу уводила
И Чехова — на Сахалин.

Тут суть не в том,
Большой ли, малый
Тебе пожалован удел,
А чтоб душа на место стала,
Да и себя не проглядел.

Ночной полёт

(Из вещей снов)

Я летел над притихшим простором,
без моторов и крыльев летел.
Среди сопок открылся мне город,
дом знакомый внизу разглядел...

Деревянный, под шиферной крышей.
Из далёких, но памятных лет.
Нас пригревший и приютивший
дом, сегодня которого нет...

Кинул вниз я послушное тело,
развернулся в крутом вираже...
Там, на кухне, оконце грело.
Хоть и за полночь было уже.

За столом кто-то странно похожий,
но моложе, над книгой сидел.
Так ведь это же... Это!.. О Боже!!!
Только я уже выше взлетел.

Всё осталось за разворотом.
Впереди — только небо и ночь.
Был я полон восторгом полёта,
от земли уносящего прочь!

Мог легко я и выше подняться,
закружить в хороводе светил,
только страх в небесах затеряться
вновь на землю меня возвратил.

Ещё звёздною музыкой полный,
разглядел я, смиряя восторг:
неподвижные книжные полки,
холодильник, диван, потолок...

Утро наполнилось запахом хлеба.
Только знал я, что в жизни моей
грусть-тоска по забытому небу
будет жить до скончания дней.

Смерть цветов

Жертвам «железного рока»

От небесного света,
от земной красоты
чёрной меченный метой
зверь укрылся в кусты...

Но когда сатанела
от соблазнов душа
и голодное тело
извивалось, греша,

что-то злое проснулось,
холод брызнул из глаз...
В чаще тьма колыхнулась,
рык округу потряс!

И пьяней, чем от виски,
одержима, тупа,
под железные визги
содрогнулась толпа!

И в припадке забились
на планете больной...
Будто било зубило
по станине стальной.

То ли траки грохочут,
подминая бурьян,
то ли нежить хохочет,
умножая дурман,—
рок гуляет по свету.
Зверь покинул кусты.

А от музыки этой
умирают цветы.